

Мария Розанова (Синявская)

искусствовед, журналист

ЦЕНА ПРИЗНАНИЯ

Итак, Михаилу Сергеевичу Горбачеву исполняется семьдесят лет.

Когда мне предложили принять участие в этом коллективном поздравлении, я, естественно, мгновенно и радостно согласилась: и Михаила Сергеевича я люблю, и компания собирается подходящая.

Но вдруг оказалось, что это невероятно трудно – писать о Горбачеве. Слишком много проблем и чрезвычайно разветвленная сюжетика: Горбачев и его соратники, Горбачев и великий русский народ, Горбачев и святая русская интеллигенция, минеральный секретарь и водка как национальная идея-фикс, и что мы за народ такой, почему в нас такая ненависть к несущему добро. Александра II прищучили, столыпинские (и прочие) хутора норовим поджечь, персидскую княжну бросаем за борт, в набежавшую волну, а если мы имеем возможность выбирать, мы обязательно выберем что похуже Ельцина, например, и как не сломаться, как выдержать, когда тебя предают?

Но один из интереснейших сюжетов – Горбачев и правозащитники, да-да! те самые герои, которые, казалось, должны были первыми почувствовать и поддержать свежий ветер, но нет, не тут-то было, и что началось, когда Андрей Синявский в интервью французской газете «Либерасьон» назвал Горбачева «Диссидентом №1 в СССР». На целой полосе парижской газеты «Русская Мысль» (27 января 1989) Синявского воспитывал цвет оппозиции: Александр Подрабинек («Иные сидят в лагерях и психбольницах. Горбачевских лагерях и горбачевских психбольницах. И у меня язык не повернулся бы сказать им, что бывший политзаключенный Андрей Синявский считает диссидентами уже не их, а Горбачева. И не просто диссидентом, а диссидентом «номер один». Такие слова трудно даже повторить. А Синявскому не трудно оказалось их произнести»); Валерий Сендеров («Каждый сам выбирает, на

что ему молиться. Можно и на «перестройку» – дело совести и вкуса. Но стоит ли при этом так истово расшибать себе лоб?»); Лев Тимофеев и Сергей Григорьянц. Где вы теперь, ненаглядные, и кто вам целует пальцы?... В следующих номерах газеты сечка и порка Синявского продолжалась, а организацией материала занимался сам Александр Гинзбург – когда-то составитель «Белой книги» о деле Синявского-Даниэля, трижды сиделец... Как видите, дорогой Михаил Сергеевич, что такое вкус измены, мы тоже хорошо знаем.

С иностранцами разговаривать было легче. Они все-таки пытались что-то понять и, как правило, руководствовались логикой, а не русской истерикой. В бумагах Синявского сохранилось несколько посвященных Горбачеву заметок, предназначенных для американской, немецкой, итальянской прессы. Вот одна из них.

Андрей Синявский

В ЗАЩИТУ ГОРБИ

Когда Горбачев получил Нобелевскую премию мира, иные советские журналисты спрашивали меня – как я к этому событию отношусь? И очень удивились, что я рад горбачевской премии: как же так – возмущались они, в стране стреляют, хозяйство в тупике, скоро жрать будет нечего, а вы этого Горби поддерживаете?! Совсем с ума сошли! И я никак не мог объяснить, что не за экономику эта премия, не за выращивание хлеба и колбасы, а за мир, понимаете – за МИР, за окончание мировой войны...

Многие не понимали... Не хотели видеть, что впервые за годы нашего коммунистического режима над миром не развеивается больше знамя мировой революции, и основной тезис Ленина о перерастании русской революции в мировую или о постепенном завоевании света наконец-то не носится в воздухе.

О недостатках Горбачева можно говорить долго, но... я пережил уже пять пятерых вождей: Сталина, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко и ничего хорошего не ждал от шестого. Казалось, это сонное крокодилово

царство будет вечно разрастаться, подминая под себя окружающий мир, и вдруг из недр, из глубины партийной клоаки вылез Горбачев и начал совершать еретические поступки. Слова он говорил еще старые, но дела у него уже были новые. И время от времени я спрашивал себя: интересно, а скоро ли этого диссидента выгонят из партии или посадят за развал империи. А Советская империя, последняя гигантская колониальная держава на наших глазах стала расплзаться, трещать по швам, как выношенное платье.

Некоторые утверждают, что все происходящее случилось помимо воли Горбачева, и что он уже давно не владеет ситуацией. Может быть, в какой-то мере это справедливо, но Горбачев знал, что и дарованная им гласность, и конец войны в Афганистане, и Берлинская стена, и Восточная Европа – каждый такой шаг будет вызывать цепную реакцию почти непредсказуемых катаклизмов. И еще он догадывался, что каждым шагом вызывает огонь на себя, и что судить его будут все – и правые, и левые, и друзья, и враги. Ибо благодарность это не самая распространенная в мире добродетель.

А ведь мог он лениво и благополучно царствовать, то подкручивая гайку, то слегка отпуская ее, окруженный счастливым партийным аппаратом, засыпанный титулами, орденами и премиями.

Такого правителя у нас еще не было. Горбачев – первый. И за это ему многое простится.

Синявский принял Горбачева как первопроходец первопроходца, как гонимый гонимого, как сильный сильного, как смелый смелого, и все это было наше с ним общее дело. Но был один горбачевский сюжет, где я увидела и поняла больше, чем Синявский. Это – жена Раиса Максимовна. Когда она умерла, на девятый день, я написала Михаилу Сергеевичу такое письмо.

28.9.99. Девятый день.

Милый-милый дорогой Михаил Сергеевич!

Я хотела позвонить Вам и вдруг поняла, что разговаривать не смогу, плакать буду. А я когда Синявского хоронила, слезинки не пролила, на кладбище нашла в себе силы улыбнуться и почти рассмеяться, и пригласить всех пройти в дом (благо от его могилы до моей сейчас всего десять минут), чтобы «выпить, закусить и рассказывать анекдоты, которые покойник очень любил». А вот смотрела, как Вы хороните Раису Максимовну – и рыдала, тихонько подвывая «Андрюша, Андрюшечка...». Ибо на моих глазах происходило страшное – разрывалась «едина плоть», рушился главный закон сказки – «они жили счастливо и умерли в один день». А мне всегда легче быть внутри ужаса, чем смотреть на него со стороны...

Слова сочувствия здесь пусты и бессмысленны. Вы сами знаете, Вы сами видели, как встрепенулся мир вокруг вашего дома, когда заболела Раиса Максимовна и когда она умерла, и вот уже девятый день, как я все время разговариваю с Вами, и с кем бы я ни встретилась, со-переживают и сочувствуют все. А хочу я Вам сказать совершенно о другом.

*Когда-то Вы были большим начальником. Самым главным. И вдруг стали раскачивать свой стул, свой трон. И говорили всякие слова, и совершали разнообразные действия. Что-то мне нравилось, что-то нет. Иногда я, большая сквернословка, честила Вас последними словами, но был один пунктик, где Вы поразили мое воображение. Это – жена. Не хуже меня Вы знаете, какой стоял гул негодования из-за «Райки» («и чего она лезет», «и чего она всюду суется»), но именно она научила меня любить Вас. Потому что, если в спорах о ней я сначала говорила: «он ее любит, и как это прекрасно!», а мне возражали: «подумаешь, – любит, я тоже свою жену люблю» (и в самом деле, хотя время наше подлое, но любить еще не все разучились), то потом сложились другие слова: он не только ее любит, **он не боится** показать эту любовь всем, он не боится ваших пересудов, ваших пред-рассудков (знаете, как в нашем великом народе – бьет, значит любит, а*

ежели учить, то коромыслом), вашего осуждения, он не трусливый, а ежели он делает что-то не так, то на то и первопроходец, перестройкам нигде не учился... Но где этот выходец из великого русского (см. выше) научился так высоко, так красиво, так храбро, по-княжески любить? Значит с душой у него большой порядок, Боженька туда много чего заложил. А она? Что она? Она просто великая женщина. Потому что только великие женщины умеют вызывать такие великие чувства...

А теперь про другого хорошего человека. Я человек многих профессий. Я искусствовед, неплохой маляр, музейная крыса, журналист, хороший читатель (кстати, очень редкая сегодня профессия, сегодня же все пишут и почти никто не читает) и редактор, экскурсовод, типограф-печатник (во Франции это сугубо мужское занятие), еще немножечко шью, а когда Синявского посадили, я стала довольно известным выставочным художником-ювелиром.

И вот однажды в моей мастерской появился совершенно очаровательный человек – Вениамин Александрович Каверин – и заказал брошь для своей жены к годовщине свадьбы. То ли сорок лет, то ли пятьдесят. Не помню.

Я очень старалась, и брошь удалась. Пришел Каверин, долго рассматривал мое творение, бормотал что-то восторженное, а потом говорит:

- Я вам, Мария Васильевна, – говорит, – сейчас одну тайну поведаю. Никому никогда не признавался, а вам скажу. Я же своей жене ни разу в жизни не изменил.

Говорит. А сам стесняется. И счастлив.

И тогда я подумала: хороший ты человек, но слабак – боишься быть не таким, как все, неловко тебе. А еще интеллигент махровый. Жаль.

Теперь понятно, почему я за Горбачева? То-то же.

Спасибо Вам, Михаил Сергеевич.